

ANNA BOGINSKAYA

Uniwersytet Wrocławski

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3233-7487>**БОЛЬ ПАМЯТИ
В ПОВЕСТИ ЮРИЯ ТРИФОНОВА *ДРУГАЯ ЖИЗНЬ*****PAINFUL MEMORY IN YURI TRIFONOV'S *ANOTHER LIFE***

The motives of memory and pain are the key motives in Yuri Trifonov's *Another life*. The main character of the story "accumulates memory" that is very important ability for Trifonov. A deep and honest analysis of the past allows her to understand herself and her dead spouse better. The heroine at the same time acts as the one who evaluates the past and the one who is valued; she makes an accurate diagnosis of her soul's disease and understands the reason of the discord with her husband. The pain of loss, which permeates memories, allows her to learn how to understand the Other, and makes her free from mental blindness and impatience. Deep reasoning, introspection and the hard work of memory bring the heroine deliverance from the past. On the one hand, Trifonov makes his heroine feel the destructive force of time; on the other hand, the active work of memory allows her to realize and accept the past, giving the heroine the hope to start *another life*.

Keywords: memory, pain, Yurii Trifonov, *Another Life*, pain of loss

[...] в страданиях памяти есть отрада [...]

Ю. Трифонов¹

Надо ли вспоминать? Бог ты мой, так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить — это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет.

Ю. Трифонов²

¹ Ю. Трифонов, *Старик*, <https://lib.misto.kiev.ua/TRIFONOW/oldman.dhtml> (9.03.2020).

² Ю. Трифонов, *Время и место*, <http://www.litmir.me/br/?b=27863&p=2> (9.03.2020).

В 70-х годах XX века русское искусство и литература заново открывали прошлое, изучали его связь с современностью и предсказывали его влияние на будущее. Обращаясь к прошлому, писатели старались избегать односторонней оценки. Прямолинейная оценка исторических деятелей и событий была заменена стремлением понять, разобраться в прошлом. Академик Дмитрий Лихачев писал о памяти: «Память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс»³.

Понимание памяти как творческого процесса нашло отражение в прозе 1970-х годов. Писатели этого времени не только обращались к мотиву памяти, память «становится художественным организатором сюжета и идейной направляющей силой»⁴. Мотив памяти объединяет такие разные идейно и художественно произведения как *Трава забвения*, *Святой колодец*, *Разбитый кувшин*, или *Волшебный рог Оберона* Валентина Катаева, *И дольше века длится день* Чингиза Айтматова, *Живи и помни* и *Прощание с Матерой* Валентина Распутина; мотив памяти характерен для «деревенской» прозы (*Пряслины* Федора Абрамова, *Кануны* и *Плотницкие рассказы* Василия Белова). Композиционно на мотиве памяти строилась и «военная» проза — к военным эпизодам обращаются Юрий Бондарев в *Береге* и *Выборе*, Виктор Астафьев в *Пастухе и пастушке*, Георгий Бакланов в повести *Меньший среди братьев* и многие другие.

Мотив памяти был актуален и для «интеллектуальной» прозы, к которой можно отнести произведения таких писателей как Даниил Гранин, Георгий Владимов, Юрий Домбровский, Аркадий и Борис Стругацкие, Владимир Богомолов и Юрий Трифонов⁵. Критик Всеволод Сахаров с иронией называл прозу Три-

³ Д. С. Лихачев, *Письма о добром и прекрасном*, Logos, Санкт-Петербург 2006, с. 167.

⁴ Н. Б. Иванова, *Проза Юрия Трифонова*, Советский писатель, Москва 1984, с. 227.

⁵ Анатолий Бочаров под интеллектуальностью понимал «особое многогранное качество, содержащее трудноуловимые, трудновыделяемые, но реально существующие элементы, которые, не разрушая, не размывая образной ткани, обладают более высоким удельным весом содержащейся в ней мысли» (А. Бочаров, *Бесконечность поиска: Художественные поиски современной советской прозы*, Советский писатель, Москва 1982, с. 238). Термин «интеллектуальная проза» исследователь трактует как «склонность и способность искусства оперировать усложненными аналитико-ассоциативными ходами, не ограничиваясь лишь образно-сюжетными решениями» (А. Бочаров, *Бесконечность поиска...*, с. 238).

фонова «воспоминательной»⁶, однако литературовед Наталья Ивановасчитает, что сэтимиэпитетомможносогласитьсяииспользовать его по отношению к прозе писателя безо всякой иронии⁷. Память в произведениях Трифонова является главной сюжетообразующей силой, она помогает переосмыслить и переоценить прошлое, преодолеть силу времени и смерть⁸. В повести *Другая жизнь* Ольга Васильевна, вспоминая, заново открывает прошлое, понимает мужа и себя саму лучше, чем во время их совместной жизни, обретает метафизическую связь с умершим супругом.

Повесть строится на внутреннем монологе вдовы, отличающимся уникальной полифоничностью. В воспоминаниях главной героини перемешиваются разные голоса, прошлое и настоящее, «само сознание Ольги Васильевны расслаивается на множество граней и вступает в диалоги с другими сознаниями, автор раскрывает процесс мучительной духовной ревизии героиней самой себя»⁹. По свидетельству Трифонова, во время работы над повестью *Другая жизнь* он поставил перед собой задачу «показать душу человека, охваченного большим горем, овдовевшую женщину, которая одновременно и страдает, и чувствует себя виновной, и оправдывается, мучается страхом перед будущим»¹⁰; писатель «хотел как можно более точно художественно передать феномен такой жизни»¹¹. Генезис повести автобиографичен, толчком к написанию произведения, по словам Трифонова, стала смерть его жены:

каждый из нас испытывал горе, то или иное, все мы теряли близких, и это чувство знакомо каждому, мне кажется. Это то, чего не может избе-

⁶ В. Сахаров, «Воспоминательная» проза: потери и обретения (*Заметки о повестях Ю. Трифонова*), в: того же: *Дела человеческие: о литературе классической и современной*, Современник, Москва 1985, с. 162–182.

⁷ Н. Иванова, *Проза...*, с. 227.

⁸ Анализируя повесть *Другая жизнь*, Семен Экштут называет главным героем повести Сергея Афанасьевича Троицкого. О «медиуме» Сергея, его жене, исследователь упоминает вскользь, обращаясь к мотиву памяти только в контексте исторических изысканий Троицкого и объясняя генезис идеи «разрывания могил» (С. Экштут, *Юрий Трифонов*, Молодая гвардия, Москва 2014, с. 182).

⁹ Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *Современная русская литература 1950–1990-е годы. В двух томах*, т. 2, АСАДЕМІА, Москва 2003, с. 239.

¹⁰ Ю. Трифонов, *Все московские повести: Дом на набережной. Обмен. Предварительные итоги. Долгое прощание. Другая жизнь. Старик*, Астрель, Москва 2012, с. 786.

¹¹ Там же.

жать никто. И я терял близких, и как раз толчком к этой вещи была смерть близкого мне человека, моей первой жены, Нины. Эта смерть произошла совершенно внезапно в 1966 году, абсолютно неожиданно, непредвиденно. Это оказало на меня очень страшное воздействие, и долгое время я как-то не мог даже по-настоящему прийти в себя и работать. Я не могу сказать, что это длилось годами, но, во всяком случае, несколько месяцев. Состояние было очень тяжелое...¹².

Об автобиографичности повести *Другая жизнь* неоднократно писали критики, пытаясь уточнить, кому именно посвящена повесть, какие эпизоды из жизни писателя нашли отражение в художественном мире произведения¹³. Думаю, прежде всего нужно отнестись со вниманием к высказыванию самого Трифонова: его задачей было «показать душу человека». Это позволяет рассматривать повесть не как автобиографическое произведение (что избавит нас от поиска соответствий в реальной жизни), а как автобиографию души писателя¹⁴.

¹² Е. Вайль, *Интервью с Юрием Трифоновым*, «Обозрение» 1983, № 6; цит. по: А. Шитов: *Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981*, Издательство Уральского университета, Екатеринбург 1997, с. 617. Литературовед Януш Свежий отмечает: «автобиографический контекст *Другой жизни* требует некоторого уточнения. Повесть вышла из печати через девять лет после скорострительной смерти Нины Алексеевны Нелиной, на которой писатель был женат с 1951 г., и после пяти лет брака с Аллой Павловной Пастуховой. Произведение посвящено именно Алле, хотя Ольга Трифонова предполагает, что адресатом посвящения могла быть совершенно другая Алла [...]; вдова приводит слова Трифонова: «Через две недели после смерти Нины я с двумя бутылками водки поехал к незнакомой женщине» [...], ее «тоже звали Аллой. [...] У нее умер муж, и они с Юрой пытались вместе смягчить горе. А потом она умерла. Юра часто вспоминал о ней» (J. Świeży, «Разрывание могил»: *Преломление идей Николая Федорова в повести Юрия Трифонова «Другая жизнь»*, «Przegląd rusycystyczny» 2013, № 1, с. 45).

¹³ См. J. Świeży, «Разрывание могил»...; К. Ваншенкин, *Из книги «В мое время»* // Н.Б. Иванова, А.П. Шитов (сост.), *Мир прозы Юрия Трифонова*, Издательство Уральского университета, Екатеринбург 2000; К. Де Магд-Соэп, *Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции*, пер. с англ. под ред. И.А. Литовской, Издательство Уральского университета, Екатеринбург 1997.

¹⁴ Через полтора года после смерти жены Нины Нелиной Юрий Трифонов написал небольшой рассказ *В грибную осень*. По мнению исследователя Константина Ваншенкина, в этом рассказе писатель «отдает своему персонажу не только собственные мысли или подробности биографии, но и острейшие психологические коллизии, душевные потрясения, которые просто невыносимо писать о себе самом. Героиня этого рассказа Надя приезжает из города на дачу и обнаруживает там внезапно умершую мать. И Трифонов отдает Наде свое — без остатка» (К. Ваншенкин, *Из книги...*, с. 141–142).

Сложная и кропотливая работа души невозможна без нравственной оценки прошлого, без совестливой памяти. Наталья Иванова отмечает сходство в понимании роли памяти (индивидуальной и общественной) Юрием Трифоновым и Дмитрием Лихачевым: «Совесьть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. [...] Без памяти нет совести»¹⁵. Героиня Трифонова Ольга Васильевна восстанавливает подробности семейной жизни, вглядываясь в прошлое, она видит себя и умершего мужа со стороны и дает моральную оценку минувшему, не игнорируя даже самые тяжелые и мучительные воспоминания. Такой подход к памяти характерен для трифоновских персонажей, которым симпатизирует автор, в то время как «дельцы» и «железные малыши» помнят избирательно. Например, Климук, когда Александра Прокофьевна заводит разговор о его брате и каком-то деле, «связанном с хищением», резко ее обрывает: «Бог мой, зачем все это помнить — мне, вам, кому бы то ни было? ... Есть такое понятие: историческая целесообразность... Вы знаете, кто сейчас мой брат?»¹⁶. Герои, которых Трифонов определяет как «умеющих жить», вольно обращаются с прошлым, легко забывая о его темных сторонах и в то же время помня то, что может принести им выгоду: «Сережа забывал. Были случаи, забывал даже Ольгу Васильевну поздравить с днем рождения [...]. Климук ничего не перепутает. Зачем-то ему было нужно быть с Луизой хорошим» (с. 329). Память они тоже обращают в предмет торга в своих обменных операциях. Вспомним некоего Бросова, о котором в повести говорится вскользь («Там был такой Толя Бросов, которого Климук сживал со света», с. 300; спустя два года Бросов «забывает», как его травил Климук и «когда разбиралось 'дело' самого Сережи, Бросов и Климук выступали дружно, в одной упряжке»; с. 300).

Героев, способных к рефлексии, Трифонов наделяет умением «накапливать память», которое критик Юрий Оклянский определяет как «трудное, неблагодарное, часто мучительное свойство, тяжелое искусство»¹⁷. Воспоминания Ольги Васильев-

¹⁵ Д. С. Лихачев, *Письма...*, с. 169.

¹⁶ Ю. Трифонов, *Другая жизнь*, в: того же: *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 2, Художественная литература, Москва 1986, с. 285. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁷ Ю. Оклянский, *Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание*, Советская Россия, Москва 1987, с. 177.

ны пронизаны болью, это мучительная ревизия прошлого, их жизни. Пожалуй, чаще всего мотиву памяти сопутствует мотив боли, что можно доказать многочисленными примерами из текста («Мысли о смерти были гораздо легче памяти. Та доставляла боль...», с. 219; «Ее алкоголем были память и боль», с. 218; «было в январе, двух месяцев не прошло, и боль давила непереносная», с. 223). Ольга Васильевна мучает себя «нестерпимыми воспоминаниями», имя бывшей подруги мужа сидит у нее в сознании «ничтожной занозой, воспаляя ткань, набухая медленной болью» (с. 223). После ссоры героиня «не испытывала ничего, кроме головной боли и какой-то тяжелой разбитости во всем теле, будто после болезни» (с. 258). Люди с Сережиной службы «не могли принести ничего, кроме боли» (с. 261), воспоминания об умершем муже сравниваются с «уколом в сердце». Ольга Васильевна мучается вопросом: «Боже мой, если все начинается и кончается химией — отчего же боль?» (с. 300).

Обращает на себя внимание то, что болезненность воспоминаний описывается при помощи физических ощущений. Боль памяти давит, колет в сердце, воспаляет ткань — ощущается на телесном уровне. Можно было бы объяснить это профессией Ольги Васильевны: она биохимик, поэтому логично, что внутренний монолог женщины-ученого, «биолога и материалиста» изобилует описаниями физических ощущений. Но есть и другое объяснение, подтверждаемое логикой повествования. Живая, острая, физическая реакция Ольги Васильевны на смерть мужа отражается в монологе вдовы, в котором прошлое так же живо, как и настоящее. Сергей в сознании Ольги Васильевны по-прежнему принадлежит к миру живых, она ревнует его, корит, оправдывает, жалеет, ищет связь с ним. Следует отметить, что в повести нет описания похорон Троицкого. Героиня не может смириться с утратой, как когда-то не могла смириться с «дружостью» мужа, не способна была его понять.

Непонимание и нетерпение — это те качества, которые автор часто подчеркивает в характере вдовы: она часто раздражается («раздражалась напрасно, несправедливо, никак не могла перебороть себя», с. 221). Модель отношений, к которым она стремится, выстраивается с самого начала их знакомства: «вести его за руку и поучать с болью, с сокрушением сердца» (с. 234). Сергей критикует ее за максимализм («Ты уж слишком максималистка... Имей в виду, максимализм до добра не доводит...», с. 233), требо-

вание «слепой веры, как отцы церкви» (с. 256), непоколебимую уверенность в своей правоте и неспособность взглянуть на происходящее с другой перспективы. «Недочувствие», неспособность понять Другого, становится причиной душевной слепоты Ольги Васильевны. В статье *О нетерпимости* Трифонов писал: «Излишняя страстность всегда ведет к нетерпимости, а нетерпимость — к слепоте»¹⁸. Мысль, относящаяся к Савонароле и направлениям в искусстве, может быть понята намного шире — «как отношение к жизни, [...] творческий метод»¹⁹. Мотив нетерпимости и суда, «осуждение как следствие нетерпимости» можно назвать узловым в творчестве Трифонова:

Нетерпимость в искусстве, желание утвердить универсальный аршин, которым можно мерить все подряд, держа наготове большие ножницы, — это кончается обычно конфузом, но иногда увечьями. Самые лучшие намерения, продиктованные высоко нравственными духовными идеалами, могут в условиях нетерпимости нанести вред искусству и самим идеалам²⁰.

Трифонов отстаивает не только ценность каждого человека вне зависимости от его достижений, но и ошибочность стремления переделать Другого. Ольга Васильевна была оглушена любовью к своему мужу, она была отделена ею даже от него самого, любила его деспотически, отчаянно²¹. И только пройдя боль потери близкого и любимого человека, она смогла понять чужую «другость», ее самоценность, не допускающую насильственного «перевоспитания» и деспотизма. Мучительные воспоминания после смерти мужа приводят Ольгу Васильевну к пониманию того, что «ощущение боли, рождение в душе соболезнования к боли другого человека — это и есть первый контакт с другим, это и есть признание Другого и его 'другости' как самоценного и не допускающего грубого вмешательства и насилия феномена»²². К похожему выводу приходит Александр Шитов в книге *Время Юрия Трифонова*, где отмечает, что в своих произведениях Трифонов превыше всего ставил стремление понять

¹⁸ Ю. Трифонов, *О нетерпимости*, в: того же: *Как слово наше отзовется*, <http://e-libra.su/read/464827-kak-slovo-nashe-otzovetsya-sbornik-publicisticheskikh-statey.html> (8.08.2019).

¹⁹ Н. Иванова, *Проза...*, с. 48.

²⁰ Ю. Трифонов, *О нетерпимости...*

²¹ Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *От «советского писателя» к писателю советской эпохи. Путь Юрия Трифонова*, АМБ, Екатеринбург 2001, с. 24.

²² Там же, с. 26.

и принять другого человека, не трактуя его как зеркальное отражение своих взглядов и убеждений²³. В повести *Другая жизнь* лейтмотивом звучат слова: «думай, думай, старайся понять!» (с. 226), «старайся понять, должен быть смысл» (с. 226). Героиня рассуждает о скоропостижной смерти мужа: «Что же случилось за это время? Никто не может понять» (с. 226). Во время увлечения Сергеем парапсихологией она спрашивает себя: «Но что с ним происходило? Она не могла понять» (с. 297). Слово «понимание» можно назвать ключевым в повести. Вместе с пониманием их жизни, к Ольге Васильевне приходит освобождение от нетерпения и душевной слепоты, со временем она понимает свою неправоту, заключающуюся прежде всего в односторонней оценке: «Господи, если бы она смогла переделать себя! Хоть на минуту. Но, к сожалению, это ей было недоступно» (с. 300); «Она не понимала, что он находится на переломе судьбы. Главной мукой было непонимание» (с. 352). Обретая понимание — прежде всего понимание самой себя — героиня освобождается от прошлого и от боли, получает надежду на другую жизнь. Именно таким выводом и заканчивается повесть:

Мы удивляемся: отчего не понимаем друг друга? отчего не понимают нас? Все зло отсюда, кажется нам. О, если бы нас понимали! Не было бы ссор, войн... Парапсихология — мечтательная попытка проникнуть в другого, отдать себя другому, исцелиться пониманием, эта песня безумно долга... Но куда же мы, бедные, рвемся понять других, когда не можем понять себя? Понять себя, боже мой, для начала! Нет, не хватает сил, не хватает времени или, может быть, недостает ума, мужества... (с. 356).

Поэтому вряд ли можно согласиться с литературоведом Янушем Свежим, утверждающим в статье «Разрывание могил» *Преломление идей Николая Федорова в повести Юрия Трифонова «Другая жизнь»*, что «душевное успокоение Ольги Васильевны равнозначно 'обращению' героини в веру мужа»²⁴ (под верой Сергея Троицкого подразумеваются своеобразные исторические воззрения, возможность соединить прошлое с настоящим и будущим, иронически называемые героем «разрывание могил»). Скорее, напротив, душевный покой героиня обретает

²³ А. Шитов, *Непрочитанный и неуслышанный Трифонов // того же, Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке (1925–1981)*, Новый хронограф, Екатеринбург 2011, с. 10.

²⁴ J. Świeży, «Разрывание могил»..., с. 59.

тогда, когда оставляет попытку жить прошлым, «разрывать могилу» мужа, примиряется с его уходом. «Обращение» героини в последовательницу идей Троицкого опровергает сам текст произведения, где немало иронических замечаний, относящихся к стремлению войти в контакт с потусторонним миром. Парапсихология называется «мечтательной попыткой» понять другого, во время спиритического сеанса вызванный дух Герцена совершает грубую орфографическую ошибку, а приятель Сергея — Федоров, чья фамилия вызывает прямую ассоциацию с *Философией общего дела* Николая Федорова, характеризуется как «пустой малый»²⁵.

Изображаемая Трифоновым работа памяти Ольги Васильевны удивительно похожа на предложенное психологом Уильямом Уорденом описание работы скорби²⁶. Ученый считает, что она

²⁵ На неоднозначность поисков соответствий в биографии Сергея Троицкого и философа Федорова указывает свидетельство В.Д. Поликарпова: «Читающего ныне *Другую жизнь* Ю. Трифонова я обратил бы внимание на то название сектора, в котором состоял младшим научным сотрудником главный герой — Сергей Троицкий: Сектор истории революции и гражданской войны. Это название сектора в Институте истории СССР, в который я пришел в сентябре 1968 года. Совпадение не случайное: я рассказывал Трифонову о своей новой работе, о своих делах» (Воспоминание В.Д. Поликарпова цитируется по книге А. Шитова *Время Юрия Трифонова* (А. Шитов, *Время Юрия Трифонова...*, с. 617)).

²⁶ Впервые выражение «работа скорби» употребил Зигмунд Фрейд в эссе *Скорбь и меланхолия* (*Trauer und Melancholie*, 1917). Под этим выражением ученый понимал результат внутреннего процесса деятельности субъекта — психической обработки (переживания «травмирующих впечатлений»). По Фрейду, работа скорби сопровождается отсутствием интереса к внешнему миру, сосредоточением на скорби и воспоминаниях до тех пор, пока не произойдет отстранение от утраченного объекта. Однако прежде психика должна «сверх-нагрузить» каждое воспоминание, что позволит либидо отделиться от них и «убить смерть». Патологической разновидностью скорби являются обвинения субъекта в гибели близкого человека, отрицание его смерти, ощущение власти покойного над своей жизнью. Работа скорби представляет собой промежуточное состояние между травмой утраты и возвращением к нормальной жизни (Ж. Лапланш, Ж.Б. Понталис, *Словарь по психоанализу*, пер. Н.С. Автономова, Центр гуманитарных инициатив, Москва 1996, с. 405). Однако современные исследователи часто ставят под сомнение утверждения основателя психоанализа. Так, Камила Уортман и Роксана Сильвер, исследуя вопросы вдовства, отвергают идею обязательной «работы скорби». Пожалуй, больше всего критикуется идея Фрейда о возможности разделения скорби на нормальную и патологическую. Психопатолог Маргарет Стробе считает, что должна быть представлена более широкая классификация видов переживания скорби прежде, чем относить

заключается не в отречении от отношений с умершим, а в поиске подходящего места для умершего человека в эмоциональной жизни живущего²⁷. В статье *A New Model of Grief: Bereavement and Biography* авторства Тони Уолтер приводится размышление вдовца, который по крупицам восстанавливал образ внезапно умершей жены, что позволило ему понять их отношения как никогда прежде. Потеряв близкого человека и переосмыслив совместную жизнь, он впервые «обрел» возлюбленную: «В этих разговорах я начал находить стабильное место для нее в моей жизни. Я много плакал, но я не чувствовал, что слезы залечивают мою рану. Врачующую силу имели честные разговоры о Корине с другими людьми, которых я знал»²⁸.

В случае вдовца терапевтическое действие оказывали разговоры с людьми, знавшими его жену. Подобное действие могут иметь и внутренние монологи человека, пережившего утрату, они помогают привести мысли в порядок и начать думать о будущем. Среди способов, помогающих пережить смерть близкого человека, называется также разговор с психотерапевтом (именуемым в статье Уолтер «консультантом» — *counsellor*). Задача его заключается в «переводе» чувств на язык слов, что позволяет скорбящему осознать и переосмыслить свои переживания. В повести *Другая жизнь* главная героиня удивительным образом объединяет в себе роли скорбящего и психотерапевта, она сама облачает свои переживания в точные формулировки и оценивает их. Александр Шитов отмечает особую трифоновскую «хирургию» души человека и своей собственной²⁹, заключающуюся в тонком умении передавать состояние «расщепления» лично-

---

многие из них к патологическим. Такую позицию Тони Уолтер объясняет изменением отношения к скорби, как и к другим чувствам человека, в современном мире — сдвигом от модернистской предсказуемости процессов в сторону постмодернистского стремления к отвержению общих теорий. Разные люди переживают скорбь по-разному, постмодернистский взгляд на чувства использует описание разных культурных ритуалов не в качестве подтверждения универсальности переживаний, а в качестве представлений разнообразия форм переживаний (Т. Walter, *A New Model of Grief: Bereavement and Biography*, „Mortality” 1996, № 1, https://www.researchgate.net/publication/240532074_A_New_Model_of_Grief_Bereavement_and_Biography (8.05.2019).

²⁷ J. W. Worden, *Grief Counselling and Grief Therapy*, Routledge, London 1991, с. 16.

²⁸ Т. Walter, *A New Model...* (перевод автора статьи).

²⁹ Там же, с. 49.

сти, ставить точный диагноз болезни души. Писатель наделяет героев своим умением «быть одновременно тем, кто препарирует, и тем, кого препарируют»³⁰.

Наконец, Ольге Васильевне удается в мыслях «написать» последнюю главу жизни мужа, что в психотерапии означает переосмысление совместной с умершим жизни. Тяжелая утрата становится частью нескончаемых рефлексивных внутренних монологов. Этот процесс можно назвать «диалогом с мертвыми», умением ужиться с воспоминаниями³¹. Глубокие рассуждения, самоанализ и тяжелая работа памяти Ольги Васильевны, а не «обращение» героини в веру мужа приносит ей успокоение и освобождение от прошлого.

Через боль и умение «накапливать память» главная героиня исцеляется от болезни «недочеловечности» и «недочувствия», неотделимой в прозе Трифонова от беспамятства и анестезии чувств. Повесть заканчивается встречей Ольги Васильевны с другим мужчиной, в сумерках вечера она вглядывается в потускневшее прошлое и неясное будущее, оправдываясь за вновь обретенное счастье («подумала, что вины ее нет» (с. 360)). Трифонов дает своей героине ощутить, с одной стороны, разрушительную, истачивающую, погребавшую прошлое стихию времени, она чувствует, как уходит «жгучая и, казалось бы, вечная боль свежих утрат, как отдаляются, тускнеют и меркнут образы самых дорогих людей»³². Но активная работа памяти, которую Трифонов называл «соревнованием со временем»³³, позволяет осознать и принять прошлое, дает надежду на *другую жизнь*.

---

³⁰ А. Шитов, *Непрочитанный...*, с. 46.

³¹ Тони Уолтер метафорически использует выражение «диалог с мертвыми», которое в книге антрополога Пирса Витебского имеет буквальное значение. В *Диалогах с мертвыми* Витебский описывает культуру индийского племени сора, проживающего на границе штатов Орисса и Андхра Прадеш. Отличительной чертой племени являются диалоги, которые ведут между собой живые и мертвые родственники при посредничестве шаманов (См.: P. Vitebsky, *Dialogues with the Dead: The Discussion of Mortality among the Sora of Eastern India*, Cambridge University Press, Cambridge 1993).

³² Ю. Околянский, *Юрий Трифонов...*, с. 178.

³³ Ю. Трифонов, *Воспоминания о муках немоты*, «Дружба народов» 1979, № 10, с. 185.

REFERENCES

- Bocharov, Anatoly. *Beskonechnost' poiska: Khudozhestvennyye poiski sovremennoy sovetskoy prozy*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1982 [Бочаров, Анатолий. *Бесконечность поиска: Художественные поиски современной советской прозы*. Москва: Советский писатель, 1982].
- Ekshtut, Semen. *Yuriy Trifonov*. Moskva: **Molodaya gvardiya, 2014** [Экштут, Семен. *Юрий Трифонов*. Москва: Молодая гвардия, 2014].
- Ivanova, Natal'ya. *Proza Yuriya Trifonova*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1984 [Иванова, Наталья. *Проза Юрия Трифонова*. Москва: Советский писатель, 1984].
- Laplansh, Jean. Pontalis, Jean. *Slovar' po psikhoanalizu*. Transl. Avtonomova, Natalia. Moskva: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 1996 [Лапланш, Жан, Понталис, Жан. *Словарь по психоанализу*. Пер. Автономова, Наталия. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 1996].
- Leyderman, Naum, Lipovetskiy, Mark. *Ot "sovetskogo pisatelya" k pisatelyu sovetskoy epokhi. Put' Yuriya Trifonova*. Yekaterinburg: AMB, 2001 [Лейдерман, Наум, Липовецкий, Марк. *От "советского писателя" к писателю советской эпохи. Путь Юрия Трифонова*. Екатеринбург: АМБ, 2001].
- Leyderman, Naum, Lipovetskiy, Mark. *Sovremennaya russkaya literatura 1950–1990-ye gody. V dvukh tomakh*. Т. 2, Moskva: ACADEMIA, 2003 [Лейдерман, Наум, Липовецкий, Марк. *Современная русская литература 1950–1990-е годы. В двух томах*, т. 2. Москва: АКАДЕМИА, 2003].
- Likhachev, Dmitriy. *Pis'ma o dobrom i prekrasnom*. Sankt-Peterburg: Logos, 2006 [Лихачев, Дмитрий. *Письма о добром и прекрасном*. Санкт-Петербург: Logos, 2006].
- Magd Soep De, Karolina. *Yuriy Trifonov i drama russkoy intelligentsii*. Litovskaya, Maria (transl. & ed.), Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1997 [Де Магд-Соэп. *Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции*. Литовская, Мария (пер. с англ. и ред.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997].
- Oklyanskiy, Yuriy. *Yuriy Trifonov: Portret-vospominaniye*. Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1987 [Оклянский, Юрий. *Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание*. Москва: Советская Россия, 1987].
- Sakharov, Vsevolod. *Dela chelovecheskiye: o literature klassicheskoy i sovremennoy*. Moskva: Sovremennik, 1985 [Сахаров, Всеволод. *Дела человеческие: о литературе классической и современной*. Москва: Современник, 1985].
- Shitov, Aleksander. *Vremya Yuriya Trifonova: chelovek v istorii i istoriya v cheloveke (1925–1981)*. Yekaterinburg: Noviy khronograf, 2011 [Шитов, Александр. *Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке (1925–1981)*. Екатеринбург: Новый хронограф, 2011].
- Shitov, Aleksander. *Yuriy Trifonov. Khronika zhizni i tvorchestva. 1925–1981*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2011 [Шитов, Александр. *Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011].
- Świeży, Janusz. "Razryvaniye mogil': Prelomleniye idey Nikolaya Fedorova v povesti Yuriya Trifonova 'Drugaya zhizn'." *Przeгляд Rusycystyczny*, 2013, no. 1 [Świeży, Janusz. "Разрывание могил': Преломление идей Николая Федорова в повести Юрия Трифонова 'Другая жизнь'." *Przeгляд Rusycystyczny*, 2013, no. 1].

БОЛЬ ПАМЯТИ...

- Trifonov, Yuriy. *Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*. Том 2, Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1986 [Трифонов, Юрий, *Собрание сочинений в четырех томах*. Том 2, Москва: Художественная литература, 1986].
- Trifonov, Yuriy. *Kak slovo nashe otzovetsya...*, <http://e-libra.su/read/464827-kak-slovo-nashe-otzovetsya-sbornik-publicisticheskikh-statey.html> [Трифонов, Юрий. *Как слово наше отзовется...*, <http://e-libra.su/read/464827-kak-slovo-nashe-otzovetsya-sbornik-publicisticheskikh-statey.html>].
- Trifonov, Yuriy. *Vse moskovskiyе povesti: Dom na naberezhnoy. Obmen. Predvaritel'nyye itogi. Dolgoye proshchaniye. Drugaya zhizn'. Starik*. Moskva: Astrel', 2012 [Трифонов, Юрий. *Все московские повести: Дом на набережной. Обмен. Предварительные итоги. Долгое прощание. Другая жизнь. Старик*. Москва: Астрель, 2012].
- Vanshenkin, Konstantin. "V moye vremya." *Znaniya*, 1999, no. 3 [Ваншенкин, Константин. "В мое время." *Знания*, 1999, no. 3].
- Vayl', Elena. "Interv'yu s Yuriyem Trifonovym." *Obozreniye*, 1983, no. 6 [Вайль, Елена. "Интервью с Юрием Трифоновым." *Обозрение*, 1983, no. 6].
- Vitebsky, Piers. *Dialogues with the Dead: The Discussion of Mortality among the Sora of Eastern India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Walter, Tony. "A New Model of Grief: Bereavement and Biography." *Mortality*, 1996, no 1.
- Worden, J. William. *Grief Counselling and Grief Therapy*, London: Routledge, 1991.